

«После тех ужасных событий и чудовищных приключений, которые мы испытали в Альтдорфе, мы с моим спутником бежали на юг, следуя по неизвестной дороге, которую выбрал для нас слепой случай. Мы передвигались, пользуясь любыми средствами передвижения: на почтовой карете, крестьянской повозке, подводах, в крайнем случае на своих двоих, когда не оставалось ничего другого.

Для меня это было тяжелое время. Казалось, за каждым углом нас подстерегала опасность быть схваченными, за чем последовали бы заключение или казнь. Мне мерещились шерифы в каждой таверне и охотники за головами за каждым кустом. Если Победитель троллей полагал, что все могло бы быть по-другому, значит, он никогда не пытался поделиться этим со мной.

Для человека столь несведущего об истинном состоянии нашей юридической системы, каким был тогда я, казалось вполне возможным, что все силы могущественного и обширного государства были брошены на поимку двух беглецов – нас. Я тогда и представления не имел о том, как однобоко и нечасто используются законы. Поистине жаль, что все эти шерифы и охотники за головами, которых рисовало мое воображение, на самом деле не существуют. Возможно, тогда бы зло не расцвело повсеместно в пределах моей отчизны.

Весь размах и сущность этого зла стали для меня очевидны одним поздним вечером, когда мы сели в почтовую карету, направлявшуюся к южным границам. Это была, возможно, самая зловещая ночь во всей нашей жизни...»

Из книги «Мои путешествия с Готреком», том II, написано г-ном Феликсом Ягером (Альтдорф Пресс, 2505)

– Черт бы побрал всех человеческих возниц и всех человеческих женщин! – пробурчал Готрек, добавив проклятие на гномьем языке.

– Но ты оскорбил леди Изольду, не так ли? – ворчливо спросил Феликс Ягер. – Так что нам еще повезло, что нас просто не пристрелили. Если, конечно, это можно назвать удачей: оказаться в Рейквальде в канун Таинственной ночи.

– Мы заплатили за вход. У нас было такое же право сидеть в таверне, как и у нее самой. А возчики оказались нечеловечески трусливы, – пробурчал Готрек. – Они отказались встретиться со мной один на один. Я бы не возражал быть проколотым сталью, но получить заряд картечи в живот – это плохая смерть для Победителя троллей.

Феликс покачал головой. Он понял, что на его спутника навалилось мрачное настроение. С гномом лучше было сейчас не спорить, а у Феликса и без этого хватало причин для беспокойства. Заходящее солнце румянило покрытый дымкой лес. Длинные тени плясали свой жуткий танец, вызывая в памяти много страшных историй о том, как опасно бывает оказаться под сенью деревьев.

Он вытер нос кончиком плаща, затем подергал Саденлендскую шерсть, туго привязанную к телу. Он принялся и взглянул на небо, где были уже различимы Моррслиб и Мэннслиб, малая и большая луны. Моррслиб, казалось, испускал зеленоватый свет. Это был плохой знак.

– Похоже, мне нездоровится... бросает в жар, – сказал Феликс. Победитель троллей взглянул на него и презрительно усмехнулся. В последних лучах умирающего солнца цепь в его носу казалась кровавой дугой, устремившейся от ноздри к мочке уха.

– Вы – слабая порода, – сказал Готрек. – Единственный жар, который я ощущаю в эту ночь, так это жар сражения. Он поет в моей голове.

Он повернулся и взгляделся в темноту леса.

– Давай, маленький звереныш, – проревел он. – У меня есть для тебя гостинец!

Он громко рассмеялся и провел большим пальцем руки по острой кромке на своей большой двуручной секире. Феликс увидел, как на лезвии появилась кровь, а Готрек, словно ребенок, начал сосать свой палец.

– Да защитит нас Сигмар, замолчи! – прошипел Феликс. – Кто знает, что таится там в такую ночь, как эта?

Готрек бросил на него пристальный взгляд. Феликс смог заметить вспышку ярости в его глазах. Невольно Феликс переместил руку на эфес своего меча.

– Не приказывай мне, человеческий отпрыск! Я происхожу из Древнего Рода и повинуюсь только Подземным Королям Гор, хотя меня и изгнали оттуда.

Феликс сухо поклонился. Он был хорошо обучен технике владения мечом. Шрамы на его лице свидетельствовали о том, что он сражался на нескольких дуэлях в студенческие годы.

Однажды он убил человека, и это положило конец его многообещающей научной карьере. Но его по-прежнему нисколько не привлекала мысль сразиться с Победителем троллей.

Остроконечный хохол на голове Готрека доставал только до груди Ягера, однако гном был тяжелее, а все его тело состояло из груды мышц. К тому же Феликсу доводилось видеть, как Готрек орудует своей секирой.

Гном принял поклон Феликса как извинение и вновь повернулся к темному лесу.

– Выходи! – крикнул он. – Я не испугаюсь, даже если все силы зла бродят по лесу этой ночью. Я приму любой вызов!

Гном подзадоривал себя, распаляя свою ярость. За время знакомства Феликс заметил, что длительные периоды задумчивости у гнома часто сменяются короткими вспышками гнева. Это было одно из качеств его спутника, которые восхищали Феликса. Он знал, что Готрек стал Победителем троллей, чтобы искупить вину за какое-то преступление. Он поклялся встретить свою смерть в неравном бою с чудовищами. Он казался почти безумным, хотя просто был верен своей клятве.

"Возможно, – размышлял Феликс, – я бы тоже сошел с ума, если бы оказался в ссылке среди отпрысков чуждой расы". Этот сумасбродный гном был ему даже чем-то симпатичен. Феликс знал, что значит покинуть родной дом, будучи в тени подозрений. Его дуэль с Вольфгангом Красне-ром вызвала в свое время настоящий скандал.

В тот момент, однако, гном, казалось, собирался загубить их обоих, и Ягеру совсем не хотелось стать частью его клятвы. Феликс продолжал тяжело брести по дороге, время от времени с тревогой поглядывая на яркую полную луну. Позади него продолжали раздаваться напыщенные угрозы: "Среди вас нет ни одного воина? Давай попробуй моей секиры! Она жаждет крови!"

Только сумасшедший был способен так искушать судьбу и темные силы на Таинственную ночь, Ночь Волшебства, находясь в самом глухом конце леса, решил Феликс Ягер.

Он смог разобрать напев на жестком, гортанном языке горных гномов, затем еще раз на Рейкшпиле:

- Пошли мне героя!

На секунду все смолкло. Липкий туман оседал моросью ему на брови. Затем издалека послышался стук копыт, разорвавший темноту ночи.

"Что же наделал этот безумец? - подумал Феликс, - Неужто он обидел темные силы, и теперь они отправили своих всадников-демонов, чтобы захватить нас?"

Феликс сошел с дороги. Он дрожал, как листья на ветру, задевавшие его лицо, словно пальцы мертвецов. Грохот копыт неотвратно, с дьявольской скоростью приближался по лесной тропе. Конечно, только сверхъестественные существа могли так мчаться по петляющей дороге. Рука Феликса дрожала, когда он попытался обнажить меч. Он подумал, что зря стал спутником Готрека. Теперь ему никогда не закончить свою поэму. Феликс услышал громкое ржание лошадей, удары хлыста и скрип мощных колес.

- Отлично! - проревел Готрек. Его голос доносился с тропинки позади Феликса, - Отлично!

Раздался громкий шум, и четыре огромные и черные, как базальт, лошади промчались мимо, таща за собой столь же черную громохочущую карету. Феликс видел, как подпрыгивали по ухабам колеса. Он даже смог разглядеть одетого в черный плащ возницу. Ягер вновь съезжился в кустах.

Феликс услышал позади себя звук приближающихся шагов. Кусты раздвинулись, и позади него возник Готрек, еще более яростный и безумный, чем прежде. Его хохол потускнел, бурая грязь облепила все покрытое татуировками тело, а его проклепанная кожаная куртка была разодрана.

- Эти фыркающие лошади пытались сбить меня! - пронзительно выкрикнул он. - Вперед, за ними!

Он повернулся и помчался по грязной дороге быстрой рысью. Феликс отметил про себя, что Готрек торжествующе запел по-хазалидски.

Ниже по богенхафенской дороге парочка обнаружила таверну "Стоящие камни". Окна были заколочены, внутри не светило ни одного огонька. Они услышали ржание из конюшни, но когда зашли туда, то не обнаружили никакой кареты, черной или какой-либо другой, а только несколько перепуганных пони и повозку коробейников.

- Мы упустили карету. Может быть, нам удастся найти хотя бы постель на одну ночь, - предположил Феликс. Он вновь тревожно посмотрел на малую луну, Моррслиб. Ее болезненный зеленый свет стал ярче. - Не хотелось бы мне оказаться снаружи при таком недобром свете, - добавил он.

- У тебя слабая воля, человечесье дитя. И ты труслив.

- Но у них есть эль.

- С другой стороны, некоторые твои предположения не лишены смысла. Хотя, конечно, человеческое пиво слишком водянистое.

- Конечно, - сказал Феликс. Готрек не смог уловить насмешки в его голосе.

Таверна не была укреплена, но ее стены были толстыми, и когда спутники попытались открыть

дверь, она оказалась на засове. Готрек принялся колотить в нее древком своей секиры, но ответа не последовало.

- Я чую человеческий дух внутри, - сказал он. Феликсу стало любопытно, как гном может чувствовать что-то еще, кроме собственного резкого запаха. Готрек никогда не мылся, а его волосы были смазаны звериным жиром, чтобы удерживать выкрашенный в красный цвет хохол.

- Они заперлись изнутри. Никто не хочет оказаться снаружи в Таинственную ночь. Только ведьмы и поклонники демонов.

- Но снаружи был черный экипаж, - сказал Готрек.

- Едва ли в нем сидели приличные люди. Окна были занавешены, а на карете не было герба.

- Мое горло слишком пересохло для обсуждения подобных мелочей. Эй, давай открывай дверь, или я пушу в дело секиру!

Феликсу показалось, что внутри таверны что-то движется. Он приложил ухо к двери и различил неясный звук голосов и рыдания.

- Если не хочешь, чтобы я задел твою башку секирой, человеческий отпрыск, лучше отойди, - проворчал Готрек.

- Подожди-ка, - сказал Феликс и перешел на крик: - Эй вы, внутри! Откройте! У моего друга очень большой топор и очень короткое терпение. Я полагаю, вы сделаете, что он велит, иначе лишитесь двери!

- Это кто тут, ты говоришь, короткий? - сердито переспросил гном.

За дверью раздался слабый, дрожащий крик. "Именем Сигмара, уходите, демоны из Преисподней!"

- Хватит, - бросил Готрек, - с меня довольно.

Он вновь достал двуручную секиру. Отскочив прочь, Феликс заметил руны на ее лезвии, блеснувшие при свете Моррслиба.

- Именем Сигмара! - прокричал Феликс, - хватит испытывать наше терпение. Мы обычные усталые путники!

Секира с треском вонзилась в дверь, и в стороны полетели щепки. Готрек повернулся к Феликсу и злобно оскалился: у гнома почти не было зубов.

- Никудышная работа, эти человеческие двери, - сказал он.

- Я думаю, вам лучше открыть дверь, если хотите ее сохранить, - крикнул Феликс тем, кто заперся в таверне.

- Подождите! - раздался дрожащий голос. - Эта дверь стоила мне пять крон у Юргена, нашего плотника.

Дверь открылась. На пороге появился высокий худой мужчина с невеселым лицом, обрамленным жидкими седыми волосами. В его руках была увесистая дубина. За ним стояла пожилая женщина, она держала плوشку с оплившей свечой.

- Вам не понадобится ваше оружие, сударь. Нам нужна только кровать на ночь, - сказал Феликс.

- И пиво, - проворчал гном.

- И пиво, - согласился Феликс.

- Много пива, - уточнил Готрек, а Феликс посмотрел на старика и беспомощно пожал плечами.

Внутри гостиница представляла собой большую залу с низким потолком. Доска и две бочки образовывали стойку. Из-за угла за гостями наблюдали три вооруженных человека, которые были похожи на путешественных корабейников. У каждого был кинжал наготове. Тень скрывала их лица, но было очевидно, что они встревожены.

Хозяин впустил гостей и сразу опустил за ними засов.

- Вы можете заплатить, господин лекарь? - спросил он нервно. Феликс увидел, как у того задергался кадык.

- Я не лекарь, я поэт, - сказал Феликс, доставая свой тонкий кошелек и пересчитывая несколько оставшихся золотых монет, - но я могу заплатить.

- За еду, - пояснил Готрек, - и за эль. В этот момент пожилая женщина расплакалась. Феликс пристально посмотрел на нее.

- Старуха чем-то расстроена, - сказал Готрек. Хозяин кивнул:

- Наш Гюнтер пропал. Сегодня ночью.

- Неси эль, - велел Готрек. Когда хозяин таверны удалился за кружками, Готрек поднялся и направился туда, где сидели корабейники. Те настороженно следили за ним.

- Вы знаете что-нибудь о черной карете, запряженной четверкой вороных? - спросил Готрек.

- Вы видели черную карету? - откликнулся один из торговцев. В его голосе отчетливо слышался страх.

- Видели? Эта проклятая штука чуть не сбила меня, - выкрикнул гном. У человека перехватило дыхание. Феликс услышал звук упавшего ковша. Он видел, как хозяин гостиницы наклонился, чтобы поднять его, и вновь начал наполнять высокую пивную кружку.

- Тогда вам очень повезло, - сказал самый толстый и, судя по его виду, наиболее преуспевающий торговец. - Говорят, что каретой управляют демоны. Я слышал, она проезжает здесь каждый год в Таинственную ночь. А еще говорят, что эти демоны похищают маленьких детей в Альтдорфе и приносят их в жертву в Кольце Темных Камней.

Готрек взглянул на него с любопытством. Феликсу не нравилось, что дело принимает подобный оборот.

- Разумеется, это всего лишь легенда, - сказал он.

- Нет, сударь, - проговорил хозяин гостиницы. - Каждый год мы слышим шум, когда карета проносится мимо. Два года назад Гюнтер выглянул наружу и увидел ее. Черная карета, как вы описали.

При упоминании имени Гюнтера старушка вновь начала плакать. Хозяин таверны принес тушеное мясо и еще две большие глиняные кружки с элем.

- Принеси пива и моему спутнику, – сказал Готрек. Хозяин отправился за новой кружкой.

- Кто такой Гюнтер? – спросил Феликс, когда тот вернулся. Послышались новые рыдания женщины.

- Еще эля, – потребовал Готрек. Хозяин с удивлением взглянул на опустевшие сосуды.

- Возьми мой, – сказал Феликс. – А теперь, уважаемый, поясните, кто такой Гюнтер?

- И почему старая карга воеет при каждом упоминании его имени? – спросил Готрек, вытирая рот своей грязной рукой.

- Гюнтер наш сын. Он ушел, чтобы нарубить дров этим вечером, и не вернулся.

- Гюнтер хороший мальчик, – шмыгнула носом пожилая женщина. – Как мы будем жить без него?

- Может быть, он попросту заблудился в лесу?

- Нет, не может, – ответил хозяин гостиницы. – Гюнтер знает здешние леса как свои пять пальцев. Он должен был быть дома уже несколько часов назад. Я боюсь, это демоны похитили его, чтобы принести в жертву.

- То же случилось с дочкой капитана Лота, с Ингрид, – добавил толстый коробейник. Хозяин гостиницы бросил на него неодобрительный взгляд.

- Я не желаю слышать страшных сказок, к которым приплетают моего мальчика, – сказал он.

- Пусть человек говорит, – разрешил Готрек. Торговец посмотрел на него с благодарностью.

- Подобное случилось в прошлом году в Харцрохе, вниз по тракту. После того как солнце село, капитанша отправилась искать свою дочку Ингрид. Ей показалось, что она слышала крик из ее комнаты. Девочка исчезла из своей постели в запертом доме. На следующий день шум и крики повторились, потому что мы нашли Ингрид. Она была вся покрыта синяками и в ужасном состоянии.

Он посмотрел на слушателей, чтобы удостовериться в их внимании.

- Вы расспросили ее, что случилось? – спросил Феликс.

- Да, сударь. Было похоже на то, что ее похитили демоны, чтобы отнести к Кольцу Темных Камней. Там их ждали собравшиеся на шабаш ведьмы и злые лесные твари. Они попытались принести ее в жертву в своем капище, но ей удалось освободиться из плена и призвать светлое имя благословенного Сигмара. Она бежала. Ее преследовали, но не смогли схватить.

- Повезло, – сухо сказал Феликс.

- Не время грумиться, господин лекарь. Мы направились к камням и обнаружили странные следы на изрытой земле – следы людей, зверей и демонов с раздвоенными копытами. И мы нашли на капище тело маленького ребенка, выпотрошенного, как свинья.

- Демонов с раздвоенными копытами? - спросил Гот-рек. Феликсу не понравилась заинтересованность, проскользнувшая в его единственном глазу. Торговец кивнул.

- Я бы не захотел оказаться рядом с Кольцом Темных Камней сегодня ночью, - сказал коробейник. - Даже за все золото Альтдорфа.

- Это было бы подходящим заданием для героя, - сказал Готрек, многозначительно глядя на встревоженного Феликса.

- Ты конечно же не имеешь в виду, что...

- Что может быть лучше для Победителя троллей, чем столкнуться лицом к лицу с демонами в их священную ночь. Это будет великой смертью.

- Это будет глупой смертью, - пробормотал Феликс.

- Чем это будет?

- Ничем.

- Ты со мной, не так ли? - грозно спросил Готрек. Он потер большим пальцем лезвие своей секиры. Феликс заметил, что на нем вновь появилась кровь.

Он медленно кивнул: "Клятва есть клятва".

Гном хлопнул его по спине с такой силой, что Феликс подумал, что ребра сейчас треснут.

- Иногда я думаю, что в тебе течет гномья кровь, человеческий отпрыск. Хотя, конечно, не каждый член Древнего рода унизит себя до подобного брака, - он потопал обратно к кружке с элем.

- Конечно, - ответил его напарник, с раздражением глядя в спину гнома.

Феликс рылся в своем мешке, ища кольчугу. Он заметил, что хозяин гостиницы, его жена и коробейники смотрят на него почти что с благоговейным страхом. Готрек уселся возле камина, потягивая эль и бормоча что-то на гномьем наречии.

- Вы же не пойдете с ним? - прошептал толстый торговец. Феликс пожал плечами.

- Но почему?

- Он спас мне жизнь. Я в долгу перед ним. - Феликс подумал, что лучше не упоминать об обстоятельствах этого спасения.

- Я вытащил человеческий отпрыск из-под копыт императорских всадников, - крикнул Готрек.

Феликс отпустил смачное проклятье. "У Победителя троллей слух как у диких зверей и мозги от них же", - подумал он про себя, продолжая натягивать кольчугу.

- Ха, человеческий отпрыск подумал, что будет гораздо умнее передать свое дело во власть императора, используя прошения и протесты. Однако старый Карл Франц решил разумно ответить ударом конницы.

Торговцы начали отступать к стенке. "Мятежник", - услышал их шепот Феликс. Он

почувствовал, как краска бросилась ему в лицо.

- Там были жестокие и несправедливые налоги, представьте себе: налоги на окна! По сребренику за каждое окно. Толстые торговцы закладывали окна кирпичами, и альтдорфские чиновники сновали вокруг, простукивая пустоши в крестьянских лачугах. Мы были правы в своем недовольстве.

- За поимку мятежников назначена награда, - сказал коробейник. - И немалая.

Феликс пристально посмотрел на него.

- Разумеется, имперская конница не устояла против секиры моего приятеля, - сказал он. - Это была мясорубка! Головы, ноги, руки валялись повсюду, а гном стоял на груде тел.

- Они привели лучников, - прибавил Готрек. - и мы отступили на задворки. Быть проткнутым издалика подлой стрелой - это недостойная смерть.

Толстый торговец взглянул на своих спутников, затем на Готрека, на Феликса, потом опять на своих товарищей.

- Мудрый человек держится подальше от властей предрежащих, - сказал он тому, кто говорил о награде, и посмотрел на Феликса. - Я не хотел вас обидеть, сударь.

- Вы и не обидели, - ответил Феликс. - Вы очень внимательны.

- Мятежник вы или нет, - сказала пожилая женщина, - но Сигмар благословит вас, если вы вернете маленького Гюнтера.

- Он не такой уж и маленький, Лиз, - сказал хозяин. - Он крепкий молодой человек. Тем не менее я тоже надеюсь, что вы вернете моего сына. Я стар, и он необходим мне, чтобы рубить дрова, ковать лошадей, ворочать бочки с пивом и...

- Я тронут вашей отеческой заботой, сударь, - прервал его Феликс, натягивая кожаный шлем.

Готрек поднялся и взглянул на него. Он взбил свой хохол мясистой пятерней. "Доспехи годятся только для женщин и женоподобных эльфов", - сказал он.

- Думаю, мне лучше надеть их, Готрек. Если я вернусь живым, я продолжу сказания о твоих подвигах, как я делал раньше и как я поклялся делать впредь.

- Это точно, человеческий отпрыск. Но помни, что это не все, в чем ты поклялся, - он повернулся к хозяину гостиницы. - Как мы можем найти дорогу к Кольцу Темных Камней?

Феликс почувствовал, как у него пересохло во рту. Он старался побороть дрожь в руках.

- Там есть тропинка возле дороги. Я проведу вас к месту, откуда она начинается.

- Отлично, - сказал Готрек. - Такую замечательную возможность нельзя упустить. Сегодня я искуплю все мои грехи и окажусь среди Железных Холмов моих предков. Такова воля Великого Грунгни.

Он сделал особый знак над своим хохлом сжатой в кулак правой рукой.

- Давай, человеческий отпрыск, идем! - он направился к двери.

Феликс подобрал свой мешок. В дверях старушка остановила его и положила что-то в его руку.

– Сударь, пожалуйста, – сказала она, – возьмите это. Это амулет Сигмара. Он защитит вас. Мой маленький Гюнтер носил такой же.

Феликс готов был ответить, что Гюнтера он не спас, но выражение ее лица остановило его – в нем читался страх, покорность и, возможно, надежда. Он был тронут.

– Я сделаю все возможное, сударыня.

Снаружи небо освещалось зеленоватым светом обеих лун. Феликс разжал ее руку. На ладони лежал маленький железный молот на ажурной цепочке. Он расправил цепочку и надел оберег на шею. Готрек и старик уже спустились к дороге, и Феликсу пришлось бежать, чтобы догнать их.

– Как ты думаешь, на кого они похожи? – спросил Готрек, пригибаясь низко к земле. Впереди него шла дорога на Харцрох и Богенхафен. Феликс наклонился, чтобы рассмотреть следы. Это был конец тропинки. Феликс надеялся, что хозяин таверны благополучно вернется домой.

– Следы, – сказал Феликс, – идут на север.

– Очень хорошо, человеческий отпрыск. Это следы экипажа, который направился на север к Кругу Темных Камней.

– Того самого? – поежился Феликс.

– Надеюсь. Что за славная ночь! Мои молитвы услышаны. Это возможность оправдаться и отомстить свиньям, которые едва не обратили меня в бегство, – ликовал Готрек. Однако Феликс заметил произошедшую в гноме перемену. В нем чувствовалось напряжение – как будто приближался час, когда решится его судьба, но он не был готов к нему. Готрек был необычно разговорчив.

– Почему карета? Этот шабаш ведьм состоит из знатных людей, человеческий отпрыск? Ваша империя настолько испорчена?

Феликс покачал головой:

– Я не знаю. Глава их может оказаться и вельможей. Большинство, уверен, происходят из местного населения. Говорят, что следы Хаоса гораздо глубже в этих глухих местах.

Готрек тряхнул головой – впервые выглядел почти уныло.

– Я мог бы начать оплакивать безрассудство твоего народа, человеческий отпрыск. Быть настолько испорченными, что ваши правители готовы продаться темным силам, – это ужасно.

– Не все люди таковы, – зло сказал Феликс. – Это правда, некоторые ищут быстрый способ обретения власти или удовольствия, но их мало. Большинство людей хранят свою веру. К тому же Древнее племя тоже не так уж незапятнано. Я слышал о целом войске гномов, предавшихся Павшим Силам.

Готрек издал тихий злобный возглас и плюнул на землю. Феликс крепче сжал рукоятку своего меча. Он боялся, что зашел слишком далеко в разговоре с Победителем троллей.

– Ты прав, – сказал Готрек, и его голос был мягким, но холодным. – Мы не можем так спокойно

говорить о подобных вещах. Мы ведем постоянную войну против этих выроdkов и их черных повелителей.

– Так же, как и мой народ. Мы тоже охотимся на ведьм по своим собственным законам. Готрек покачал головой:

– Твой народ не понимает. Он ослаб, и пал духом, и забросил войну. Люди ничего не понимают в тех ужасных вещах, которые подтачивают основы мира и хотят разрушить все живое. Охота на ведьм? Ха! – он сплюнул. – Законы! Есть только одна возможность одолеть угрозу Хаоса. – Он многозначительно потряс своей секирой.

Они осторожно пробирались сквозь чащу. Над их головами обе луны сияли светом обреченности. Моррслиб стала даже ярче, и теперь ее зеленый отблеск окрашивал все небо. Легкий туман покрыл все вокруг, и окрестная местность казалась дикой и мрачной. Скалы возвышались над торфяником, подобно чумным язвам, запятнавшим кожу земли.

Иногда Феликсу казалось, что он слышит хлопанье крыльев над головой, но когда он смотрел в небо, то видел только лунный блеск. Туман искажал все вокруг, и казалось, будто они идут по дну адского озера.

Феликс подумал, что в этом месте что-то неладно. В воздухе ощущался запах гниения, и волосы на его шее встопорщились как иголки. Давно, когда он был еще маленьким мальчиком, он сидел возле дома своего отца и наблюдал, как небо чернеет от тяжелых туч. Затем началась самая жуткая буря на его памяти. Сейчас он чувствовал то же самое. Могущественные силы собрались где-то рядом, он был уверен. Ягер ощущал себя букашкой, ползущей по туловищу великана, который может в любой момент проснуться и прихлопнуть его.

Даже Готрек выглядел подавленным. Он умолк и ничего не бурчал себе под нос, как обычно. Время от времени гном останавливался и жестом приказывал Феликсу затаиться, пока он будет нюхать воздух. Феликс мог заметить, как было напряжено все тело гнома, словно тот каждым нервом старался уловить даже самый легкий намек. Затем они снова продолжали свой путь.

У Феликса также был напряжен каждый мускул. Ему очень не хотелось идти. "Разумеется, – говорил он себе, – мое обязательство перед гномом вовсе не означает неперенную смерть. Возможно, мне удастся укрыться в тумане".

Он сжал зубы. Он гордился тем, что был человеком чести, а клятва, данная гному, была настоящей. Тот рисковал, спасая его. Впрочем, тогда он не знал, что Готрек ищет смерти и следует за ней, как кавалер за обожаемой дамой. И еще не свободен от своего обета.

Феликс вспомнил веселый вечер и множество выпивки в таверне «Лабиринт», когда они стали кровными братьями, поклявшись по странному гномьему обычаю, и он согласился помочь Готреку в его деле.

Готрек мечтал о том, чтобы все помнили его имя и повторяли рассказы о его подвигах. Когда он узнал, что Феликс поэт, то предложил ему присоединиться к своим странствиям. В тот момент, в теплом свете пьяного товарищества, Феликсу это показалось замечательной идеей. Роковая цель гномьего похода была для Феликса материалом для эпической поэмы, которая могла бы сделать его знаменитым.

"Я меньше всего тогда думал, что это приведет меня сюда, – думал Феликс. – Приведет к охоте

на чудовищ в Таинственную ночь". Он иронично улыбнулся. Очень легко петь о смелых подвигах в тавернах, где ужас скрыт за словами искусного поэта. А здесь все было по-другому. Внутри у него все холодело от страха, а давящая атмосфера побуждала бежать отсюда с отчаянным криком.

"Одно утешение, – говорил он себе, – что это будет прекрасным материалом для поэмы". Если только он останется в живых, чтобы написать ее.

Лес становился все более дремучим и непроходимым. Деревья изгибались, как страшные корявые твари. Феликсу казалось, что они следят за ним. Он постарался отогнать от себя эти выдумки, однако туман и потусторонний лунный свет только распаляли его воображение. Ему казалось, будто каждую тень отбрасывает какое-либо чудовище.

Феликс посмотрел вниз на гнома. На лице у того застыла смесь отвращения и страха – Феликсу казалось, что гном никогда не чувствует страха, однако теперь он понял, что это не так. Ярость влекла Готрека на поиски его участи. Понимая, что его собственная смерть может быть уже где-то близко, Феликс задал вопрос, который долгое время боялся произнести.

– Господин Победитель троллей, что же вы такое совершили, что обязаны теперь искупить? Что за преступление заставляет вас так карать себя?

Готрек посмотрел на него, затем отвернулся, чтобы исследовать темноту вокруг. Феликс заметил, как задвигались, подобно змеям, жилы на его шее.

– Если бы другой человек спросил меня об этом, я бы убил его. Я прощаю тебя за твою молодость, и твоё невежество, и тот обряд дружбы, через который мы прошли. Прикончить тебя значило бы то же, что убить родича, а это ужасное злодеяние. Мы не будем говорить о подобных преступлениях.

Феликс не понимал, почему гном так привязался к нему. Готрек взглянул на него, словно ожидая ответа.

– Я понимаю, – сказал Феликс.

– Понимаешь, человеческий отпрыск? Правда? – голос гнома был жестким, как треск расщепившегося камня.

Феликс печально улыбнулся. Он внезапно ощутил, какая пропасть лежит между человеком и гномом. Он никогда не поймет их странных запретов, их фанатичной верности клятве, приказам и их гордости. Он не понимал, что заставляет гнома выполнить наложенный на себя гибельный обет.

– Твой народ слишком строг по отношению к себе, – сказал он.

– А твой слишком мягок, – ответил Победитель троллей. На какое-то время воцарилась тишина, но вскоре их обоих напугал тихий сумасшедший хохот. Феликс обернулся, выхватив меч, и занял оборонительную позицию. Готрек поднял секиру.

Что-то вынырнуло из тумана. Когда-то это было человеком, решил Феликс, глядя на очертания этого существа. Оно выглядело так, словно безумный бог держал его над дьявольским огнем до тех пор, пока плоть не сплавилась и не стекла, оставив ему эту новое жуткое и отвратительное обличье.

- Этой ночью мы будем танцевать, - сказала существо высоким голосом, без малейшего признака разума. - Танцевать и трогать...

Оно мягко повернулось к Феликсу и ударило его по руке. Феликс в ужасе отпрянул, поскольку пальцы этой твари, подобно выводку червей, закружились возле его лица.

- Этой ночью возле камней мы будем танцевать, и прикасаться, и тереться друг о друга. - Тварь потянулась обнять Феликса. Она улыбалась, обнажая мелкие заостренные зубы. Феликс стоял спокойно - он чувствовал себя зрителем, отдаленно наблюдающим за происходящим. Откинувшись, он направил острие меча в грудь этой твари.

- Не приближайся, - предупредил он. Та улыбнулась. Ее рот, казалось, растягивался вширь, показывая все больше острых зубов. Губы закатились назад до основания, и теперь половина лица этого чудовища, казалось, состояла из влажных сверкающих челюстей, а пасть ввалилась, как у змеи. Тварь все тянулась вперед, напарываясь на меч, пока на ее груди не засверкали кровавые раны. Чудище издало клопочущий, идиотский смех.

- Танцевать, трогать, тереться и есть, - сказала оно и вдруг с нечеловеческой быстротой увернулось от меча и прыгнуло на Феликса. Но какой бы ни была быстрой эта тварь, Победитель троллей оказался быстрее. В середине прыжка его секира вонзилась в шею чудовища. Голова покатилась во тьму, а из туловища брызнул кровавый фонтан.

"Этого не произошло", - думал Феликс.

- Что это было? Демон? - спросил Готрек. Феликс услышал возбуждение в его голосе.

- Я думаю, когда-то это было человеком, - сказал Феликс. - Одним из тех искалеченных людей, меченых Хаосом. Они прокляты уже при рождении.

- Он говорил на твоём языке.

- Иногда это искажение незаметно, пока они не подрастут. Родственники думают, что они больны и всячески защищают их, пока те не найдут свою дорогу в лес и не исчезнут в нем.

- Родичи защищают этих вырожденков?

- Такое случается. Мы не говорим об этом. Просто очень трудно отвернуться от тех людей, которых ты любишь, даже если они... изменились.

Гном недоверчиво уставился на него, затем покачал головой.

- Слишком мягко, - сказал он. - Слишком мягко.

Воздух был спокоен. Иногда Феликсу казалось, что он ощущает чье-то присутствие за деревьями, и у него мороз подирал по коже, когда он вглядывался в темноту, ища движущиеся тени. Неожиданная встреча с Искажённым вернула ему чувство опасности. Он испытывал одновременно великий страх и великую ненависть.

Часть этой ненависти была направлена на себя самого за этот страх. Он чувствовал себя больным и опозоренным. Он решил, что бы ни случилось, больше не повторять своей ошибки и не стоять, подобно овце перед закланием.

- Что это? - спросил Готрек. Феликс взглянул на него.

- Ты что, не слышишь, человеческий отпрыск? Слушай! Это похоже на пение. - Феликс пытался уловить звук, но ничего не слышал. - Мы уже близко. Очень близко.

Они продвигались бесшумно. Хотя они шли в тумане, Готрек стал осторожен и сошел с тропинки, укрывшись в высокой траве. Феликс последовал его примеру.

Теперь он различил пение. Оно будто бы звучало из сотен глоток. Некоторые голоса принадлежали людям, другие были более низкие и как будто звериные. Мужские и женские голоса сливались с медленными ударами барабанов, звуками тарелок и нестройными трубами.

Феликс мог расслышать только одно слово, повторяющееся вновь и вновь, пока оно не проникло в его сознание. Это слово было "Слаанеш".

Феликс вздрогнул. Слаанеш, темный повелитель неназываемых удовольствий. Это слово означало отвратительную пучину развращенности. Его шепотом произносили в пьяных притонах и порочных домах Альтдорфа те, кто пресытился настолько, что стал искать удовольствия выше человеческого понимания. Это имя связывали с испорченностью, излишеством и темной стороной общества Империи. Для тех, кто поклонялся Слаанешу, никакое возбуждение не казалось противоестественным и ни одно удовольствие не было запретным.

- Туман нас прикроет, - прошептал Феликс Победителю троллей.

- Тише! Будь спокоен. Мы должны подойти ближе.

Они медленно крались вперед. Высокая влажная трава хлестала Феликса, и вскоре он совершенно промок. Впереди показались фонари, горящие во Тьме. Запах тлеющего дерева и насыщенный аромат приторно-сладких курений наполняли воздух. Феликс оглянулся вокруг в надежде, что никто из запоздавших на это сборище не наткнется на них. Ему казалось, что его буквально видно отовсюду.

Вершок за вершком они продвигались дальше. Готрек волочил боевую секиру за собой, и однажды Феликс коснулся его острого лезвия пальцами. Он поранился и с трудом подавил вскрик.

Заросли высокой травы закончились, и они увидели недостроенный круг из шести камней непристойных очертаний, в центре которых стояла плита, высеченная из единой глыбы. Камни отливали зеленым цветом от покрывавшего их светящегося мха. Наверху каждого из них стояла жаровня, испускавшая клубы дыма. Пучки блеклого зеленого лунного света освещали адское представление.

Внутри круга танцевало шесть человек в масках и длинных плащах. Плащи, отброшенные через плечо, открывали обнаженные тела мужчин и женщин. В одной руке у этих гуляк были кастаньеты, которыми они периодически щелкали, в другой розги, и каждый из них стегал соседнего плясуна.

- Игрок ту амат Слаанеш! - кричали они.

Феликс мог заметить, что тела некоторых из них покрыты синяками. Танцоры, казалось, не чувствовали боли - вероятно, из-за дурманных курений.

Вокруг кольца камней возвышались ужасные фигуры. Барабанщик был великаном с головой оленя и раздвоенными копытами. Возле него сидел флейтист-псоглавец с пальцами, похожими

на соски. Вокруг них увивалось огромное количество Искаженных.

Некоторые тела были не слишком сильно изуродованы: рослые мужчины с тонкими заостренными головами, маленькие толстые женщины с тремя глазами и тремя грудями у каждой. В других же с большим трудом можно было распознать бывших людей. Там были покрытый чешуей человек-змея, и мохнатые звери с волчьей головой, и твари, состоящие из сплошных зубов, зевов и других отверстий.

Феликс едва мог вздохнуть: он испытывал пещерный страх перед этим скопищем.

Барабанщики стали бить быстрее, увеличился ритм пения, флейты зазвучали громче и более нестройно, а танцоры словно бы взбесились, стегая себя и своих собратьев, пока на их телах не проступили кровоточащие раны. Затем грянули литавры, и все стихло.

Феликс подумал, что их обнаружили, и похолодел. Запах курений наполнил его ноздри и, казалось, подчинил себе все его ощущения. Он чувствовал себя отрешенным от происходящего. В боку он ощущал постоянную, острую боль. Постепенно Феликс понял, что Готрек тычет локтем ему в ребра, указывая на что-то позади каменного круга.

Феликс пытался разглядеть очертания, проступающие из тумана. Внезапно он понял, что это была черная карета. В неожиданной, оглушающей тишине он услышал звук открывающейся дверцы. Он затаил дыхание, ожидая, что же произойдет дальше.

Фигура вышла словно бы из тумана. Это было высокое существо в маске и ниспадающем пестром плаще неярких цветов. Оно ступало неторопливо и с достоинством и несло в руках что-то завернутое в парчу. Феликс взглянул на Гот-река, но тот наблюдал за разворачивающимися событиями с фанатичным вниманием. Феликса удивляла невозмутимость гнома в этот поздний час.

Вновь прибывший проследовал прямо к каменному кругу.

- Амак ту амат Слаанеш! - прокричал он, поднимая вверх свою ношу. Феликс увидел, что это ребенок, хотя и не мог сказать, жив он или нет.

- Играк ту амат Слаанеш! Царкол таен амат Слаанеш! - ответила зачарованная толпа.

Скрытый плащом человек внимательно изучил окружавшие его лица, и Феликсу показалось, что он смотрит прямо на него своими спокойными карими глазами. Он подумал, что главный жрец знает об их присутствии и играет с ними.

- Амак ту Слаанеш! - крикнул человек хорошо поставленным голосом.

- Амак клесса! Амат Слаанеш! - ответила толпа. Феликс понял, что темный обряд начался. Вскоре главный жрец подошел ближе к алтарю медленным ритуальным шагом. У Феликса пересохло во рту. Он облизал губы. Готрек зачарованно смотрел на происходящее.

На алтарь под громкие удары барабанов водрузили ребенка. Теперь шестеро танцоров стояли позади ограды, поставив на нее ноги, ухватившись за камень. По мере продолжения обряда они опускались за ограду медленными колеблющимися движениями.

Из складок своего плаща жрец извлек длинный нож с кривым лезвием. Феликс ожидал, что гном соберется что-то предпринять. Он больше не мог выносить этого зрелища.

Медленно нож взмыл в воздух, высоко над головой идолопоклонника. Феликс заставил себя смотреть. Чье-то зловещее присутствие ощущалось в этой сцене. Туман и запах курений словно слились воедино и застыли, а внутри этого облака, казалось Феликсу, начинает корчиться и проявляться какой-то неясный силуэт. Ягер больше не мог вынести этого напряжения.

– Нет! – закричал он.

Он и Победитель троллей выскочили из высокой травы и плечом к плечу ринулись прямо к каменному кругу. В первое мгновение участники обряда даже не заметили их, но в конце концов сумасшедшие удары в барабаны прекратились, пение оборвалось, и главный жрец повернулся и уставился на них, пораженный.

На секунду все замерли. Казалось, никто не понимал, что происходит. Затем главный жрец указал на них ритуальным ножом и приказал: "Убейте чужаков!"

Танцоры бросились вперед. Феликс почувствовал, как что-то впилося ему в ногу, и ощутил острую боль. Когда он посмотрел вниз, то увидел женщину-змею, впившуюся ему в лодыжку. Он ударил ее, выдернул ногу и нанес удар мечом.

Дрожь пробежала по его руке, когда лезвие коснулось кости. Он начал метаться по пятам за Готреком, который прорубал себе дорогу к алтарю. Мощная секира ритмично взлетала вверх и вниз, оставляя после себя груды окровавленных тел. Их противники, казалось, были одурманены и не могли оказать достойного сопротивления, но что было ужасно, они не испытывали страха. Мужчины и женщины, Искаженные и нормальные, бросались вперед на чужаков, совершенно не заботясь о своих собственных жизнях.

Феликс колот и рубил каждого, кто приближался к нему. Он поднял свой меч и вонзил его в сердце прыгнувшему на него псоглавцу. Когда он попытался освободить свой меч, когтистая женщина и мужчина со слизистой кожей навалились на него всем весом, не давая вздохнуть.

Почувствовав, как когти женщины царапают его лицо, он поднял ногу и ударил ею в живот. Кровь, хлынувшая из царапин, заливала ему глаза. Мужчина тоже упал, но успел в прыжке ухватить его за горло. Левой рукой Феликс потянулся за ножом, перехватив правой горло мужчины. Тот начал извиваться, и его было трудно удержать из-за скользкого покрова. В ответ тварь безжалостно стиснула руки на горле Феликса и стала тереться об него, пытаясь от удовольствия.

Чернота окутала поэта. Перед его глазами вспыхнули серебристые искры. Он почувствовал непреодолимое желание освободиться и убежать в темноту. Где-то далеко слышался боевой клич Готрека. Огромным усилием воли Феликс высвободил кинжал из ножен и воткнул его под ребра своего противника. Тварь оцепенела и издала странный скрип, обнажив ряды рыбьих зубов. Даже умирая, она стонала от возбуждения.

– Слаанеш, возьми меня! – визжала она. – Ах, боль, какая сладкая боль!

Феликс поднялся как раз в тот момент, когда женщина-змея тоже вскочила на ноги. Он взмахнул ногою и попал ей башмаком в челюсть. Раздался хруст, и она откинулась назад. Феликс стряхнул кровь с глаз.

Большинство поклонников Зла сгрудилось вокруг Готрека. Это спасло Феликсу жизнь. Гном старался прорваться к сердцу каменного круга, но навалившиеся со всех сторон тела замедляли его движения. Феликс видел, что он истекает кровью от множества мелких порезов.

Было жутко наблюдать яростный натиск гнома. Из рта шла пена, и он что-то хрипел при каждом ударе, разбрасывая повсюду отрубленные головы, руки и ноги. Он был весь покрыт кровью и лохмотьями, но, несмотря на его абсолютную ярость, Феликс мог бы сказать, что гном проигрывает этот бой. На его глазах человек в плаще ударил гнома дубиной, и тот рухнул, накрытый волной тел. "Итак, он встретил свою судьбу, как и желал", – подумал Феликс.

В пылу сражения главный жрец овладел собой. Он вновь начал ритуальную песнь и вознес нож. Ужасная фигура, начавшая было проступать из тумана, казалось, вновь проявилась в нем.

Внутреннее чутье подсказало Феликсу, что если эта тень воплотится полностью, они будут обречены. Он не мог пробить себе дорогу через тела, окружавшие гнома. Долгое мгновение он наблюдал, как нож с кривым лезвием отражает свет Моррслиба.

А затем он обнажил свой собственный кинжал. "Сигмар, направь мою руку", – взмолился он и метнул его. Острие полетело ровно и вошло прямо в горло главному жрецу, пронзив обнаженную плоть под маской. С глухим клекотом жрец рухнул навзничь.

Долгий вой отчаяния наполнил воздух, и туман начал рассеиваться. Фигура внутри него исчезла. Служители Зла замерли, как один, пораженные случившимся. Искривленные повернулись и уставились на него. Феликс оказался один против безумного взора дюжин вражеских глаз. Он замер и очень, очень испугался. Повисла мертвая тишина.

Затем раздался мощный рев, и Готрек возник из-за груды тел, прочищая себе дорогу кулаками. Он наконец выбрался и подобрал где-то свою секиру. Гном вращал ее, ухватившись за середину древка. Феликс подхватил свой меч и поспешил присоединиться к нему. Они пробивались друг к другу, пока не встали спина к спине.

Безумные плясуны, преисполнившись страхом и потеряв своего предводителя, побежали в туман и лес. Вскоре Феликс и Готрек остались одни под тенью Круга Темных Камней.

Готрек мрачно взглянул на Феликса, кровь запеклась в его взбитых волосах. В колдовском свете он выглядел как демон.

– Я упустил прекрасную смерть, человеческий отпрыск. – Он многозначительно поднял секиру. Феликс пытался понять, в боевом ли еще раже гном и не обрушит ли на него удар, несмотря на связывающую их клятву. Готрек медленно приближался к нему. Затем он усмехнулся. – Похоже, боги решили пока сберечь меня для еще более славной участи.

Он впервые опустил рукоять своей секиры на землю и начал хохотать, пока слезы не покатались по его лицу. Отсмеявшись, он повернулся к алтарю и поднял ребенка.

– Живой! – сказал он.

Феликс начал осматривать трупы. Он сдирал с них плащи и маски. Первой оказалась белокурая девочка, покрытая синяками и ранами. Вторым был молодой человек. Амулет в виде молота словно в насмешку висел на его шее.

– Думаю, нам не стоит возвращаться в гостиницу, – печально произнес Феликс.

Местные легенды рассказывают о ребенке, найденном на ступеньках храма Шаллаи в Харцрохе. Он был завернут в окровавленный плащ Саденлендской шерсти, рядом с ним лежал мешочек с золотом, а на шее был амулет в виде молота. Жрица клялась, что она видела черную карету, ускользнувшую в свете зари.

Однако местные жители Харцроха рассказывают и другую, более мрачную историю о том, как Ингрид Хауптманн и Гюнтер, сын тавернщика, были убиты во время ужасного жертвоприношения Темным силам. Дорожные стражи, обнаружившие тела в Круге Темных Камней, говорили, что это был жуткий ритуал. Жертвы выглядели так, как будто какой-то демон раскроил их секирой.

<http://tl.rulate.ru/book/2486/46903>